

Бобовникова И.А.

УДК 008.78

МУЗЫКАЛЬНЫЙ «РЕЛЬЕФ» В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ КРЫМА

Крымский полуостров – как пространство сопряжения различных периодов Большого времени истории – образует уникальный культурный ландшафт, «ожидаящий» целостного комплексного исследования. Каждая новая эпоха, по Ф.Шиллеру, рождает «новые глаза», поэтому современная культурологическая «оптика» (методологический уровень гуманистики) предопределяет наличие разных аналитических сценариев. Не претендуя – в рамках данной статьи – на исчерпывающей «фокус» вышеоцененной проблематики, подчеркнем абсолютную, по нашему мнению, репрезентативность в этом «аспекте» музыкального искусства. Иными словами, перефразируя М.С.Кагана, можно утверждать, что музыка является «зеркалом эпохи».

Выбирая в определенном отрезке времени (с середины 19 века до 1917 года) наиболее интересные, значимые «точки» пространства, «остановимся» на именах А.Н.Серова, М.П. Мусоргского, Н.А.Римского-Корсакова, С.В.Рахманинова, В.С.Калиникова. Их пребывание в Крыму создавало «топосы бытия» музыкальной жизни, научно-перспективные для культурологического «глаза».

В 1846 году в Симферополь по назначению Министерства юстиции приехал на службу будущий русский композитор и музыкально-общественный деятель, коренной петербуржец Александр Николаевич Серов (1820-1971). В столице Крыма были написаны две ранние оперы (впоследствии, к сожалению, уничтоженные) и первая музыкально-критическая статья «Музыкальное известие», опубликованная в газете «Одесский вестник», №72 от 6 сентября 1847 года. «В городе Симферополе, - рассказывает автор, - находится инструментальный мастер Фердинанд Гааке, брауншвейгский уроженец, долго изучавший свое мастерство в Вене и прибывший в Крым в 1841 году. Г-н Гааке ... редкое явление в небольшом губернском городе, так удаленном от столиц ... Я неожиданно встретил эти превосходные инструменты ... и вменяю себе в обязанность поделиться своей находкой со всеми любителями и ценителями прекрасных инструментов, которыми ... мы так еще бедны» [7, с.7]. Далее перечислены достоинства роялей: тон, прочность строя, механизм, наружная отделка и стоимость (в рублях серебром и ассигнациями). А.Н.Серов вошел в историю русской музыкальной культуры как один из основоположников и крупнейший представитель прогрессивной музыкальной критики, страстно пропагандировавший отечественную композиторскую школу, особенно творчество М.И. Глинки. Впервые в России А.Н. Серов провел цикл публичных лекций о музыке (1858 г.); издавал специальную газету «Музыка и театр» (с 1867 г.); ввел в русский язык термин «музыкальное знание» (1864 г.); положил начало углубленному изучению своеобразия народной песни в работе «Русская народная песня как предмет науки» (1860 г.).

В 1850 г. А.Н. Серов вернулся в Петербург, чтобы выйти в отставку и посвятить себя музыке. Его дальнейшая жизнь, как у любого «первого», не отличалась безоблачностью, и он говорил о себе: «Моя позиция – оппозиция». Но Крым любил, возвращался (гостил в имении «Бурлюк» близ Бахчисарая): с нашим полуостровом в его жизни связаны замечательные знакомства с В.Белинским, И.Айвазовским, М.Щепкиным. В Симферополе именем композитора названа улица.

В контексте Большого исторического времени (190-летие со дня рождения в минувшем году и 140-летие со дня смерти – в этом) с новой силой высветились заслуги Александра Николаевича Серова перед русской музыкой, а характер современных культурологических процессов актуализирует его бескомпромиссность в отстаивании художественно-эстетических ценностей: «Где целью – потеха толпы, расчеты корыстные, там нет искусства, нет поэзии. Музы с негодованием отвращаются от подобных злоупотребителей искусства ... мне кажется, близко то время, когда наступит *всеобщая реакция* (выд.авт. – И.Б.) против грубых материальных эффектов, до которых унизили искусство гг.композиторы-акробаты». Это цитата из рецензии «Концерты А.Лазарева (18 марта). – С.Монюшки (20 марта). – О.Дютша (29 марта)», опубликованной 8 апреля 1856 г. в «Музыкальном и театральном вестнике» [цит.по: 8, с.264]. Подчеркнем, что «акробатом» здесь выступает композитор А.В.Лазарев, имя которого сохранилось в истории благодаря критике А.Н.Серова. Страстно протестуя против профанации музыки, в одном из концертов во время исполнения сочинения г.Лазарева Александр Николаевич встал на стул и обратился к публике с призывом не допускать подобной пошлости и безвкусицы в искусстве, за что поплатился десятидневным заключением на гауптвахту [см.подробнее: там же, с.335, с.207].

К сожалению, «всеобщая реакция», о которой мечтал А.Н.Серов, на низкопробные *opus'ы* не наступает, а «перипетии» его жизненного пути иллюстрируют: честное служение искусству подразумевает «тернии» в контрапункте. Программной статьей, предопределяющей данную аксиому, является, по нашему мнению, «Музыка и виртуозы», начатая в Симферополе (письмо к В.П.Гаевскому от 2 ноября 1850 г. [см.:7, с.387]) и опубликованная 20 февраля 1851 г. в журнале «Библиотека для чтения» (о ней же А.Н.Серов сообщает А.А.Бакунину, ботанику, служившему чиновником в Симферополе, брату анархиста М.Бакунина, у которого останавливался, возвращаясь из Крыма в Петербург [там же]). Написанная в необычной форме «живой» беседы (подзаголовок: «Разговор между любителем пения, скрипачом-солистом и капельмейстером»), данная работа содержит ключевые положения музыкально-эстетической концепции автора, в том числе: проблемы исполнительской интерпретации, борьба «с нелепостями вкуса публики» [7 с.41], ради которого виртуозы «... бессовестно льстят её невежеству и капризам, с медным лбом угощают её собственными произведениями, в которых нет ни складу, ни ладу...» [там же, с.35] и главное – особый статус: «...все плохое в музыке ... гораздо больше навязывается, чем в других искусствах. Плохую книгу вы закроете на второй странице, от плохой картины отвернетесь, а в музыке ... чтоб выслушать кое-что,

заманившее вас туда по программе, извольте выслушать ...» [там же, с.31]. Крупнейшим же достижением русского классического музыковедения является цикл из десяти статей об опере А.С. Даргомыжского «Русалка». Здесь ценны не только общеметодологические принципы, которыми руководствовался А.Н.Серов-критик, но и процесс постатейной работы, отраженный в его переписке с автором оперы [9, с.42-137].

Необходимо подчеркнуть: образ русского композитора, музыкального критика и музыкально-общественного деятеля Александра Николаевича Серова во всей полноте – в «хронотопе» творческого и биографического – раскрыт в монографии М.Р.Черкашиной [см.: 11], содержащей и отдельную, интересующую нас главу «Симферопольские встречи». Однако, актуализация именно критического наследия еще ждет своего внимательного скрупулезного аналитика. Имеется в виду гениально-прозорливая оценка оперного творчества Р.Вагнера (еще не написавшего к тому времени «Тристана и Изольду», «Нюрнбергских мейстерзингеров» и знаменитую тетралогию «Кольцо нибелунга»): «Это голова чрезвычайно замечательная. Это поэт, музыкант и философ. Его обсыпали градом самых злых сарказмов...» [9, с.34]. А также борьба за «понимание» публикой бетховенской Девятой симфонии: «Надо быть очень развитым с музыкально-эстетической стороны ... и что неразлучно с таким условием – знать и изучать все, что создано Бетховеном, чуть ли не от ноты до ноты» [8, с.254]; «... мы видим серьезный успех искусства, новые его неисчерпаемые богатства, открытые колоссальным гением Бетховена...» [7, с.226]. Или, к примеру, многолетняя полемика о творчестве Моцарта и исполнительском качестве его произведений: «Теперь же, в Крыму, разрешился огромной статьей «Моцарты «Дон-Жуан» и его панегиристы» ... <...> я теперь разработал все вопросы иначе и довольно подробно» [7, с.400]. Подчеркнем важность проблемы терминологической корректности музыковедческого дискурса (статья «Вавилонское столпотворение» [9, с.16-20] о русских транскрипциях французских, немецких, итальянских слов) и многое другое, к сожалению, остающееся за рамками данной работы. Отдельного внимания заслуживает принципиальность позиции в отношениях с редакторами. Приведем пример, из письма А.В.Старчевскому (журнал «Сын отечества»): «Предполагая, что вам необходимо было сократить, урезать мою статью, я имею, однако, некоторое право желать, чтобы эти сокращения делались *не иначе* (здесь и далее курсив авт. – И.Б.), как *по согласованию со мною*. Вы не можете входить во все намерения того, что я пишу, но я отвечаю перед публикой за каждую свою строку ... <...> если вы не будете согласны ... то я желал бы заранее знать о том, чтобы прекратить мое участие в журнале ...» [8, с.337].

Благословенная крымская земля стала одним из самых светлых и, к трагическому сожалению, последним радостным событием в жизни величайшего, истинно русского композитора Модеста Петровича Мусоргского (1839-1881), из-за тяжелой болезни так рано ушедшего из жизни. В 1879 году вместе с певицей Д.М.Леоновой он совершил концертную поездку по югу России и Крыму. Дарья Михайловна, чей талант высоко ценил М.И.Глинка, посвятивший ей ряд романсов, была первой исполнительницей партий в операх А.Н.Серова «Рогнеда» и «Вражья сила», в «Псковитянке» Н.А.Римского-Корсакова и др., пропагандировала на зарубежных гастролях русскую музыку. Артистический успех М.П.Мусоргского, выступавшего в качестве пианиста-солиста и аккомпаниатора Д.М.Леоновой, теплый прием публики и критики, яркая южная природа и колоритный «незнакомый» быт вдохновили композитора к новым творческим и общественно-полезным планам.

Хроника пребывания М.П.Мусоргского в Крыму: начало сентября, г.Севастополь (до 8 или 7 числа) – около недели в г. Ялте – отъезд после 11 сентября в г. Феодосию – до 16 сентября г. Керчь. В письме В.В. Стасову от 10 сентября 1879 г. читаем: «На пароходе из Одессы в Севастополь, близ Тарханкутского маяка <...> я записал от певуний греческую и еврейскую песни ... сам подпевал ... <...> В Севастополе или, вернее, в развалинах Севастополя меня пленил памятник адмиралу Лазареву, не тронутый вражьем снарядом ... Кроме милейшей семьи Макухиных, в Севастополе об искусстве даже заикнуться нельзя. У Макухиных бывали частенько и изрядно музицировали: восторгом, искреннему увлечению конца не было» [цит.по: 3, с. 546]. Из Севастополя в Ялту, в которой певицу и композитора опекала дочь В.В.Стасова София (в замужестве Фортунато), ехали «... на четверке до зела гривистых и хвостатых четвероногих по Байдарской долине, Байдарскому подъему, его воротам и спускам, готовым кинуться в самую глубину моря от палящих вертикальных скал» [там же, с.547]. Во время концертной поездки «родились» новые сочинения: 1) «Песнь Мефистофеля в погребке Ауэрбаха о блохе» (из «Фауста» Гете) для голоса с фортепиано (рус. текст А.Струговщикова), посвящена Д.М.Леоновой; 2) каприччио для фортепиано «Близ южного берега Крыма» («Байдары»); 3) «Гурзуф у Аю-Дага» («На южном берегу Крыма»), пьеса для фортепиано в 2 руки, посвящена Д.М.Леоновой; 4) «большая музыкальная картина» «Буря на Черном море» (не сохранилась).

О том, какое значение для него имеет эта поездка, Модест Петрович пишет Л.И.Шестаковой: «А сколько нового, чарующего, возобновляющего дарует природа! Сколько новых, подчас весьма существенных встреч с новыми людьми, чующими искусство лучше некоторых непризнанных глашатаев всероссийской печати! <...> К новому музыкальному труду, широкой музыкальной работе зовет жизнь; ... с большим рвением к новым берегам пока безбрежного искусства!» [там же, с.548].

В 1880 г. в Петербурге М.П.Мусоргский и Д.М.Леонова открыли музыкальную школу ... Певица пережила автора «Бориса Годунова» и «Хованщины» на 15 лет, оставила бесценные в историко-культурологическом отношении «Воспоминания», опубликованные в 1891 году в «Историческом вестнике» (№№1-4). В некрологе музыкального критика, близкого в 70-х годах к балакиревскому кружку, сотрудника «Нового времени» Михаила Михайловича Иванова (1849-1927) есть горькие слова, созвучные сердцам всех

почитателей великого композитора: «Быть таким талантом, каким был Мусоргский (талант этот признавали все, хотя бы и не разделявшие тенденции покойного), иметь все данные стоять высоко и жить – и вместо того умереть в больнице, среди чужого люда, не имея дружеской или родной руки, которая бы закрыла глаза» [1, с.612].

Со светлыми и с трагическими событиями связано посещение нашего полуострова великим русским композитором, дирижером, педагогом и музыкально-общественным деятелем Николаем Андреевичем Римским-Корсаковым (1844-1908), четырежды (1874, 1881, 1886, 1893) приезжавшим в Крым. Потомственный дворянин и морской офицер (старший брат, контр-адмирал Воин Андреевич; родной брат отца, вице-адмирал Николай Петрович), побывавший во время службы в ряде стран Европы, Северной и Южной Америки, был очарован красотой крымской земли. В автобиографической «Летописи моей музыкальной жизни» [см.: 6], лежащей в основе данных заметок, перед первым приездом композитора на полуостров дана яркая зарисовка музыкальной жизни России 70-х годов¹.

«Весною 1873 года директор канцелярии Морского министерства ... вызвал меня к себе и сказал, что учреждается новая должность инспектора музыкантских хоров морского ведомства, на которую избран я, и организуется комплект музыкантских учеников, стипендиатов морского ведомства в С.-Петербургской консерватории ... <...> я был назначен на новую должность уже статским чином ... <...> С этих пор я становился музыкантом официально и неоспоримо» [6, с. 104]. Через год (на лето 1874 г.) Н.А.Римский-Корсаков в рамках новой должности командирован в г. Николаев: «В начале июля я с женой и Мишей (будущий энтомолог, 1893-1951. – Прим. наше) прокатились на пароходе в Севастополь. Посмотрев его окрестности и Бахчисарай, сухим путем проехали оттуда через Байдарские ворота на Южный берег; побывали в Алушке, Ореанде, Ялте и возвратились пароходом в Николаев. Южный берег Крыма ... понравился нам чрезвычайно, а Бахчисарай с своей длинной улицей, лавками, кофейнями ... произвел самое своеобразное впечатление. Слушая бахчисарайских цыган-музыкантов, я впервые познакомился с восточной музыкой... В те времена на улицах Бахчисарая с утра до ночи гудела музыка, до которой восточные народы такие охотники, перед любой кофейней играли и пели. В последующий наш приезд (через 7 лет) уже ничего подобного не было: туполобое начальство, найдя, что музыка есть беспорядок, изгнало цыган-музыкантов из Бахчисарая куда-то за Чуфут-Кале» [там же, с. 115].

Через семь лет автор «Летописи...» снова командирован от Морского ведомства в Николаев: «Начались усердные репетиции – по две в день. <...> Наконец состоялся концерт, прошедший благополучно, и его повторение (концерты состоялись 20 и 21 июня 1881 года. – Прим. на стр. 368). В это время ко мне приехала Надежда Николаевна, и, покончив все дела с музыкой морского ведомства, я вместе с нею поехал через Одессу в Крым. Основавшись в Ялте в гостинице «Россия», мы совершали всевозможные прогулки и поездки по Южному берегу. В Ялте оказалось довольно много знакомых: София Владимировна Фортунато (дочь В.В.Стасова) с семейством, управлявшая гостиницей..., Серова² и наконец (нечаянная встреча!) П.А.Зеленый, бывший командир клипера «Алмаз», с женою ...У Фортунато мы познакомились с семейством Анастасьевых, владельцев небольшого имения в Магараче, которых тоже однажды посетили, и вместе с ними осматривали Никитский сад. <...> В салоне гостиницы имелся хороший рояль, и мне пришлось не один раз сыграть ... отрывки из всех тогда интересовавшей «Снегурочки»³ <...> Из Ялты, через Алушту и Чатырдаг, мы проехали в коляске в Симферополь и Севастополь. <...> В течение лета 1881 года я ничего не сочинял. Работы мои заключались лишь в некоторых аранжировках для духового оркестра, сделанных в Николаеве для концерта, и в корректурах литографировавшейся в это время партитуры «Снегурочки» [6, с. 186].

Летом 1886 года Римские-Корсаковы отправились в двухмесячное путешествие на Кавказ и снова побывали в Крыму: «... потом сели на пароход в Батуме, направились ... в Ялту и через Симферополь ... обратно в Петербург ... В общем, путешествие ... было чрезвычайно приятно и интересно. Волга, Кавказ, Черное море, Крым и много достопримечательного оставили лучшие впечатления» [6, с.204].

К началу 1893 года Николай Андреевич – признанный музыкальный авторитет: глава *беляевского* кружка⁴; художественный руководитель придворной певческой капеллы (с 1883 года); профессор Петербургской консерватории (с 1871 года); известный в Европе дирижер после выступления на Парижской всемирной выставке (1889 г.) в зале Трокадеро. Последний приезд в Крым в этом (1893) году был связан с болезнью младшей дочери Маши (1888-1893): «Покончив с экзаменами по консерватории и Капелле, я 13 мая уехал в Ялту... <...> застал мою девочку в худшем положении, чем она была в Петербурге. <...> Болезнь Маши и опасения за нее действовали на жену и меня угнетающим образом. Прелестная Ялта с ее чудными видами, растительностью и синим морем решительно нам опостылела на этот раз. <...> ... приступил к писанию своих воспоминаний ... <...> К августу состояние Маши ухудшилось. <...> Мы похоронили бедную девочку на ялтинском кладбище...» [6, с.244-245].

Начатые в Ялте воспоминания, как попытка преодоления личной трагедии, закончены в 1906 году: «Летопись моей музыкальной жизни (здесь и далее выд.авт. – И.Б.) доведена до конца. Она беспорядочна, не везде одинаково подробна ... зато в ней одна лишь правда, и это составит ее интерес» [6, с.297].

О чем же композитор «вспоминал» в Ялте летом 1893 года? Об исполнении Первой симфонии и отношениях в «Могучей кучке»: «... лично я благоговел перед Балакиревым и считал его своею альфой и омегой» [6, с.55]. Первое исполнение этого произведения состоялось в концерте Бесплатной музыкальной школы под управлением М.А.Балакирева в декабре 1865 года. О знакомстве «кучкистов» с П.И.Чайковским [там же, с. 64-65]; о том, что назначение на должность инспектора Морского министерства, о котором упоминалось выше, «... расшевелило уже давно возникавшее... желание ознакомиться подробно с устройством и техникою оркестровых инструментов. <...> ... я тотчас же задумал приняться за составление

по возможности полного учебника инструментовки...» [там же, с.104-108]. Отметим, что работа над этим фундаментальным двухтомным трудом, опубликованным в 1913 году, продолжалась (буквально!) до последнего вздоха [см.: там же, с.344]. Вспоминал композитор и первое, такое восхитительное посещение Крыма с женой и маленьким Мишей; сочинение пятичастного секстета и трехчастного квинтета на конкурс камерной музыки, объявленный РМО [там же, с.128]; переработку «Псковитянки» (позже будет и третье издание) после изучения оперных партитур М.И.Глинки: «Пределов не было моему восхищению и поклонению гениальному человеку. Как у него все тонко и в то же время просто и естественно ...» [там же, с.133]; исполнение в концерте РМО в феврале 1877 года Второй симфонии А.П.Бородина («В.В.Стасов всегда называл эту симфонию «богатырской», и эта характеристика была верна...» [там же, с.142]) и увлечение Н.В.Гоголем («Я с детства своего обожал «Вечера на хуторе» ... Жена моя, еще будучи моей невестой, часто уговаривала меня написать когда-нибудь оперу на этот сюжет. Мы вместе с ней читали эту повесть в день, когда я сделал ей предложение. С тех пор мысль о «Майской ночи» не покидала меня...» [там же]). Одноименная опера на гоголевский сюжет по собственному либретто посвящена Надежде Николаевне и «... была дана в 1-й раз только 9 января 1880 года. Успех был значительный. Песню про Голову и песню Левки (A-dur) требовали bis. Меня и артистов много вызывали. <...> Балет был плох. Декорация 3-го действия была неудачной... Общий отзыв артистов был таков: первые два действия весьма хороши, а третье неудачно... Между тем я был убежден, что 3-е действие заключает в себе наилучшую музыку ... <...> В этот сезон опера моя была дана раз восемь. В последние разы уже были сделаны ... сокращения ... От такого пропуска опера не выигрывала, а проигрывала. Во-первых, искажался Гоголь ...» [там же, с.164-165]. Пространность данной цитаты призвана подчеркнуть высокий уровень требовательности композитора к художественному вкусу публики, его страстную борьбу с сокращениями – «купюрами», как их называли в то время – музыкального текста в угоду либо слушателям, либо дирекции театров⁵. Отметим также, что борьба с дурновкусием сопрягалась у Николая Андреевича, как и положено настоящему русскому интеллигенту, с суровой самокритикой (1) и личной скромностью (2). В подтверждение *первого* достаточно посмотреть список его произведений на страницах 419-424 цитируемого издания, где нередки указания: «1-я ред.»; «2-я ред.»; «3-я ред.»; «оконч.ред.»; а *второго* – ответ А.К.Глазунову: «... письмо ваше из Folkestone получил. Вот моя просьба к вам: от звания доктора Оксф[ордского] или Кембри[джского] университета я решительно желаю уклониться, ... устраните от меня грозящее мне предложение, разумеется, поблагодарив тех, кто дал вам поручение, от моего лица за лестное и почетное, по их убеждению, намеренье» [6, с.318]. И последняя в этом, далеко не полном персональном «рельефе» цитата: «... если б я мог сколько-нибудь предвидеть, в какой затяжной форме выразится мой юбилей, я бы заблаговременно уехал куда-нибудь подальше...» [там же, с.281]. Жаль, что не в Крым...

Поистине судьбоносное значение имеет Южнобережье в жизни без преувеличения величайшего русского композитора, пианиста и дирижера Сергея Васильевича Рахманинова (1873-1943). Окончив Московскую консерваторию по классу фортепиано (1891 г.) и композиции (1892 г.) с дипломной работой оперой «Алеко» (либретто Вл. Немировича-Данченко по «Цыганам» А.С.Пушкина было единственным заданием для всех студентов), за которую получил Большую золотую медаль и удостоился личной похвалы П.И.Чайковского, молодой пианист и автор многочисленных произведений разных жанров переживает творческий подъем, приобретает широкую популярность. Но в 1897 году исполнение в Петербурге Первой симфонии вызвало резко отрицательную критику прессы, крайне болезненно пережитую С.Рахманиновым: «После этой симфонии не сочинял ничего около трех лет, - много позднее писал он о своем состоянии, – Был подобен человеку, которого хватил удар и у которого на долгое время отнялись и голова и руки» (из письма Б.Асафьеву [5, с.101]).

Позитивный перелом наступил только весной 1900 г. С апреля до первых чисел июля С.Рахманинов гостил в Ялте на даче княжны Александры Андреевны Ливен⁶. Расцветающая и благоухающая весенняя крымская природа, экзотическая для человека средней полосы России, пробудила, вызвала к жизни творческое вдохновение композитора. В Ялте им созданы Вторая сюита для двух фортепиано и две из трех частей знаменитого Второго концерта для фортепиано с оркестром: лирико-драматического, ярко национального, причисленного к шедеврам мировой концертной литературы.

Пребывание С.Рахманинова в Ялте совпало с приездом туда художественно-общедоступного театра. «Из Севастополя, – вспоминал К.С. Станиславский, – мы переехали в Ялту, где нас ждал почти весь русский литературный мир, который, точно сговорившись, съехался в Крым ... Там были в то время: Бунин, Куприн, Мамин-Сибиряк ... и, наконец, только что прославившийся тогда Максим Горький, живущий в Крыму из-за болезни легких ... Кроме писателей, в Крыму было много артистов и музыкантов, и среди них выделялся молодой С.В. Рахманинов. Ежедневно в известный час все актеры и писатели сходились на даче Чехова...» [10, с.233]. Столь пространная, хотя и с сокращениями, цитата призвана подчеркнуть, что наш полуостров является «со-бытием» не только для деятелей музыкальной культуры. Хотя личное знакомство Антона Павловича, широко известного автора – на тот момент – многих рассказов («Дом с мезонином», «Палата №6», «Человек в футляре» и другие), пьес «Чайка», «Дядя Ваня» и молодого Сергея Рахманинова, аккомпанировавшего в ялтинских концертах Федору Шаляпину, состоялось осенью 1898 года. Так, в письме А.П.Чехова к сестре от 23 сентября содержится просьба: «... возьми 1 экз. «Мужики» и «Моя жизнь», заверни в пакет и в Москве, при случае занеси в музыкальный магазин Юргенсона или Гутхейля для передачи «Сергею Васильевичу Рахманинову» [12, с.313]. Ответным знаком внимания была симфоническая фантазия «Утес» (ор.7) с дарственной надписью: «Дорогому и глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову, автору рассказа «На пути», содержание которого с тем же

эпиграфом служило программой этому музыкальному сочинению. 9 ноября 1898 года) (автограф хранится в библиотеке им. А.П.Чехова в Таганроге [5, с.521]. Отметим – как бы на полях, в скобках – то, что отдельного «разговора» заслуживает отношение семьи Рахманиновых к Михаилу Александровичу Чехову (племяннику писателя, драматическому актеру и режиссеру, руководителю МХАТа в 1924-1928 гг.) после его эмиграции из СССР в 1928 году.

Хочется заметить, что С.В.Рахманинов неоднократно бывал в Крыму, часто – в компании с Ф.И.Шаляпиным. Крымская тема в судьбе великого певца, скала его имени, идея о строительстве уникального музыкального театра – отдельный массив источников изучения для историков, культурологов, краеведов и т.д. Творческая и личная дружба семьями более сорока лет связывала двух гигантов русской культуры и на Родине, и за границей вплоть до смерти Ф.И.Шаляпина в Париже в 1938 г.

В культурном ландшафте Крыма есть два значимых, но контрастных по содержанию и перспективам последствий, события, связанных с именем С.В. Рахманинова. В хронологическом порядке они расположены так: в 1909 году в Симферополе было открыто отделение Императорского Русского Музыкального Общества, Дирекцию которого возглавляла Её Высочество принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская, пригласившая композитора на должность помощника по музыкальной части (с уходом С.Рахманинова в 1912 г. должность была ликвидирована). На базе общества открылись музыкальные классы, впоследствии преобразованные в музыкальное училище, одно из старейших учебных заведений в Украине, отметившее в минувшем году 100-летний юбилей. Первый отчет о работе музыкальных классов напечатан в январе 1910 г. типографией Эйдлина (хранится в библиотеке «Таврика»).

Катастрофическим, трагически-неизбежным стало решение композитора покинуть Родину: 23 декабря 1917 г. С.Рахманинов с женой и дочерьми выехал из России в Стокгольм. Приняв приглашение на ряд концертов в Скандинавии, он уезжал с мыслью вернуться на Родину. Но жизнь сложилась иначе, и он навсегда остался за рубежом. Бесстрастно, насколько это возможно в отношении подобных коллизий, отметим, что последнее письмо, написанное на Родине, отправлено двоюродной сестре из Симеиза. Последний концерт для соотечественников состоялся 5 сентября 1917 г. в Ялте.

С этим городом связаны и последние годы жизни безвременно ушедшего, похороненного на Поликуровском холме композитора Василия Сергеевича Калининкова (1866-1900), необычайно одаренного, при жизни получившего признание в России и за рубежом. «Калинников был самым талантливым среди московских композиторов лирико-эпического направления, родившихся в период 60-70-х годов, если бы судьба оказалась к нему чуть милостивее, – написал композитор, один из основоположников отечественного музыковедения, народный артист СССР, академик Б.В.Асафьев (1884-1949), оценивая вклад Василия Сергеевича в сокровищницу русской и мировой музыкальной культуры, – Именно Калининков мог писать лирично без банальностей и сентиментальности, потому что, как ни у кого из композиторов его поколения, упомянутые качества – сердечность и непосредственность – были ему действительно вполне присущи» [цит.по: 1, с.5]. Важными для нас в этой цитате являются два момента: своеобразие творческого наследия и «милость» судьбы.

Именно оригинальный, неповторимый «калинниковский» почерк обеспечил любовь слушателей к его произведениям. В «Хронографе прижизненных исполнений произведений Вас.С.Калинникова» [2, с.413-415], кроме Москвы, Петербурга, Одессы, Харькова, Киева и т.д., перечислены: Берлин, Вена, Париж, Лейпциг, Монте-Карло. Сохранилось письмо из Парижа (в оригинале)⁷ и некоторые рецензии из немецких газет⁸.

Восторженный прием симфонии №1 В.С.Калинникова, сочиненной в Ялте с февраля 1894 г. по февраль 1895 г., оказали отечественные слушатели, первыми из которых стали киевляне 8 февраля 1897 года (заметим, что премьера Второй симфонии также состоялась в Киеве 28 февраля 1898 года). Дирижировал Александр Николаевич Виноградский, в то время – председатель Киевского отделения Русского музыкального общества. «Успех симфония имела колоссальный, – вспоминал Вячеслав Викторович Пасхалов⁹, – Публика выразила желание прослушать её вторично на следующем концерте. Дирижер, воспользовавшись таким необычайным подъемом настроения слушателей, обратился к ним с речью. Обрисовав тяжелое материальное положение большого композитора, не имеющего никаких средств ... Виноградский предложил присутствующим устроить в пользу автора так им понравившейся симфонии денежный сбор, который обеспечил бы ему поездку для лечения на французскую Ривьеру. Предложение это было встречено сочувственно и в течение нескольких минут было собрано 1100 рублей. Второе исполнение ... симфонии состоялось 1 апреля того же года. Успех был и на этот раз блестящий» [4, с.80-81]. Необходимо отметить, что изменение программы по требованию слушателей – редчайший случай в концертной практике Русского Музыкального Общества. К тому же не часто совпадают оценки слушателей и музыкальных критиков, а газеты «Киевское слово» и «Киевлянин» напечатали восторженные рецензии¹⁰. Известный при жизни, высоко оцененный российскими и европейскими слушателями композитор «немилостью судьбы» оказался навсегда «связанным» с Крымом, а общение с музыкальным миром оставило нам интереснейшее эпистолярное наследие. С осени 1893 года В.С.Калинников на постоянное место жительства переезжает в Ялту. Она – для человека, родившегося в Орловской губернии, – была восхитительна: «Видели ли Вы, Вячеслав Викторович, горы и море? Дышали ли Вы их дыханием, наслаждались ли безбрежностью с одной стороны и заоблачностью с другой, слушали ли Вы прибой волн и упивались ли ароматами чудесного горного южного воздуха? Если нет, то Вы много потеряли...», – пишет композитор В.В.Пасхалову, – Климат здесь прекрасный. До половины декабря цвели розы. <...> Зелень и сейчас кругом. Лавры, кипарисы и масса других растений не снимают свой зеленый убор всю зиму. <...> Ялта и ее окрестности прекрасны. Прогулки доставляют большое удовольствие. Работать пока не начинал:

подожду, пока окончательно укрепится здоровье, но планов музыкальных много» [2, с.23]. Из «Списка музыкальных произведений Вас.С.Калинникова» [там же, с.514-518] очевидно, что «планы» – за исключением ранних сочинений – реализовывались в Ялте: две симфонии, большая часть романсов, симфоническая картина «Кедр и пальма», оркестровая музыка к трагедии А.К.Толстого «Царь Борис», неоконченная опера «В 1812 году» по заказу и на либретто С.И.Мамонтова (материально поддерживающего тяжело больного композитора), фортепианные миниатюры. Сохранились и ялтинские адреса Калинниковых (Василий Сергеевич женился на Софье Николаевне, в девичестве Ливановой, в июле 1888 года): Аутская улица, дом Воронкова; Ново-Виноградная улица, дача Кашецина; Пушкинский бульвар, дача Бартоломей; Садовая улица, Дворянский переулок, дача (бывшая) Олехнович; Земский переулок, дача «Сиротинка». Последний адрес – по иронии судьбы – стал местом, где осиротела русская музыкальная культура.

В заключение, для полноты «калинниковского» рельефа на культурной карте Крыма, процитируем письмо В.В.Пасхалову от 1 апреля 1894 г.: «Понемногу осматриваю окрестности Ялты. Был несколько раз в «Массандре», два раза в «Орианде». Собираюсь проехать на водопад в «Гурзуф», Алупку и т.д. Более всего мне нравится «Орианда» ... По местоположению и красоте природы это одно из лучших мест в Крыму. Путешествую по большей части пешком...» [2, с.36]. Упомянем его пребывание в Судак (сентябрь-ноябрь 1895 г.): «Волны житейского моря доходят сюда только в виде проходящей три раза в неделю почты и заходящего один раз в неделю парохода. Народу – почти никого. Ни библиотеки, ни биллиарда ... и никаких развлечений. <...> Мы поселились в 2-х верстах от настоящего Судака в 100 шагах от берега моря у подошвы горы, на верхушке которой находятся развалины старинной генуэзской крепости с причудливыми башнями и полуразрушенными стенами. Я несколько раз взбирался на самую высь. Вид оттуда на горы и на море дико-очарователен. <...> Здоровье гораздо лучше. Юг на меня действует благотворно» [2, с.72-73].

Перед завершающей точкой, с сожалением, оставляя за рамками большое количество интересного культурно-ландшафтного материала, с необходимостью констатируем, что для каждого человека, побывавшего в Крыму, наш полуостров стал событием и «со-бытием» его жизни.

Примечания

¹ Противостояние основателя «Могучей кучки» и «Бесплатной музыкальной школы» (совместно с Г.Я.Ломакиным), дирижера, пианиста, композитора Милия Алексеевича Балакирева (1836/1837-1910) и Русского музыкального общества (РМО), созданного в 1859 по инициативе композитора, дирижера, пианиста Антона Григорьевича Рубинштейна (1829-1894), в вопросах репертуарной политики; преодоление Н.А.Римским-Корсаковым цензурного запрета «...выводить в операх царствующих особ до дома Романовых» [6, с.99] в отношении «Псковитянки», повествующей об исторических событиях подавления Иваном Грозным псковской «вечевой вольницы» («Первое исполнение состоялось 1 января 1873 года. Исполнение было хорошее... Опера понравилась, ... меня много вызывали. В этот сезон «Псковитянку» дали 10 раз при полных сборах и хорошим успехе» [6, с.102]) а также успешные оперные премьеры в Мариинском театре «Вражьей силы» А.Н.Серова и «Каменного гостя» А.С.Даргомыжского (обе – посмертно); фрагменты из «Бориса Годунова» М.П.Мусоргского в бенефис певца (в дальнейшем – главного режиссера Мариинки) Г.П.Кондратьева и музыкальный вечер памяти М.И.Глинки, произведения которого исполняли хор и оркестр студентов консерватории под управлением автора «Летописи...».

² Валентина Семеновна, композитор, музыкальный критик, общественный деятель, к этому времени вдова композитора А.Н.Серова и мать известного живописца Валентина Александровича Серова, автора, в том числе, двух портретов Н.А.Римского-Корсакова.

³ Опера в 4-х действиях с прологом на собственное либретто по пьесе «Весенняя сказка» А.Н.Островского, работа над которой продолжалась в течение 1880-81 гг.; премьера состоялась 29 января 1882; к этому времени у Римских-Корсаковых родился сын Владимир, будущий скрипач, научный сотрудник Института театра, музыки и кинематографии в 1944-1958 гг., автор публикаций об отце, ум. в 1970 г.

⁴ Беляев М.П., 1836-1904, богатый лесопромышленник, меценат, учредитель Глинкинской премии с фондом, основатель «Русских симфонических концертов», издательства «М.П.Беляев в Лейпциге» с нототорговой базой в Петербурге, «Русских квартетных вечеров», ежегодных конкурсов на лучшее камерно-инструментальное произведение; в его гостеприимном и хлебосольном доме «по пятницам» собирались молодые петербургские композиторы; М.П.Беляев «... оставил все свое богатство (более миллиона рублей. – Прим. наше) на музыкальное дело ... <...> Итак, благодаря беззаветной любви Митрофана Петровича к искусству образовалось невиданное и неслыханное до тех пор учреждение, обеспечивающее навсегда русскую музыку издательством, концертами и премиями...» [6, с.287].

⁵ В этой связи упомянем письмо Н.А.Римского-Корсакова С.П.Дягилеву (1872-1929), театральному деятелю, организатору концертов русской музыки («Русские сезоны» в Париже, Лондоне, Америке) за рубежом по поводу купюр в постановке оперы «Садко» на парижской сцене: «Для меня же существует лишь художественный интерес ... <...> не только упразднение последней картины ..., но и изъятие образа Любавы ... недопустимо. Если слабосильной французской публике во фраках, забегавшей на некоторое время в театр, прислушивающейся к голосу продажной печати и наемных хлопальщиков, «Садко» в настоящем виде тяжел, то и не надо его давать» [6, с. 321-322].

⁶ Председатель Дамского благотворительного тюремного комитета, дружившей с родной теткой композитора, никогда не отказывавшегося от участия в благотворительных концертах в пользу заключенных. Много позже А.А.Ливен сыграла решающую роль в освобождении из тюрьмы студентов Московской консерватории, участвовавших в революционных волнениях 1905 года).

⁷ «Маэстро! Исполнение вашей симфонии (№1, соль-минор – прим.наше) во дворце Трокадеро 11 числа этого месяца под управлением г. А.Виноградского, имело громадный и законный успех. Оркестр ассоциации концертов Ламуре шлет вам с своей стороны восхищение вашим чудесным произведением и просит меня передать вам, что он счастлив, что смог его впервые исполнить в Париже. Примите, маэстро, уверение в нашей почтительной симпатии. За оркестр ассоциации концертов Ламуре Вице-президент Барро» [2, с.272-273].

⁸ «Первая часть программы познакомила нас с первым произведением одного очень молодого композитора ... симфонией g-moll (№1-прим.наше) В.С.Калинникова; и добавим сразу – с произведением, производящим наилучшее впечатление. Обычно большинство из наших молодых композиторов – это так называемые энтузиасты, ... в их созданиях ... всегда замечается отсутствие фундамента и смысла... Тем более отрадно найти, наконец, однажды произведение, в котором форма и содержание идут нога в ногу и про которое можно сказать, что оно жизнеспособно, мелодии свежи и развиваются естественно, к тому же музыка оригинальна и инструментовка интересна» («Moskauer Deutsche Zeitung» №330 от 9 декабря 1897 г. [2, с.434-435]. Или из «Deutsches Volksblatt» от 17 ноября 1899 г.: «Ряд этих ... имен, был увеличен совершенно неизвестным Калинниковым, g-moll'ная симфония которого стояла во главе программы. ... *andante* заслуженно встретило сочувственный прием. <...> Возвращение приятных мыслей закрепляет поэтическое настроение, напоминающее как бы перенесенную на русскую почву идиллическую «лесную сцену» ...» [там же, с.471].

⁹ 1873-1951 гг., композитор и музыковед, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР, ученик и адресат В.С.Калинникова, автор ряда работ о нем. – Прим.наше.

¹⁰ Особый интерес для нас представляет мнение Виктора Антоновича Чечотта (1846-1917), композитора и критика, известного резкостью и бескомпромиссностью суждений не только в киевской, но и в московской прессе. Один из постоянных адресатов В.С.Калинникова Семен Николаевич Кругликов (1851-1910, педагог композитора в музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества по классу гармонии, ставший близким другом до конца жизни; ему посвящена Первая симфония и адресовано последнее ялтинское письмо от 9 декабря 1990 г.) пишет об успехе премьерного исполнения в Киеве: «... она заставила говорить о себе всю публику и серьезную прессу, вызвала даже из-под пера *таких придиричливых злюк* (выд.нами – И.Б.), как Чечотт, самые лестные и вместе подробные, внимательные критические разборы...» [2, с.289]. Газета «Киевлянин», №46 от 15 февраля 1897 года, из рецензии «Придиричливого злюки»: «...Предприятие (исполнение симфонии. – Прим.наше) могло а priori показаться рискованным, ввиду неизвестности дебютирующего автора, а также в силу некоторой косности, проявляемой посетителями наших серьезных концертов в текущем сезоне. Стоит лишь вспомнить вялый, безучастный прием, оказанный дивной симфонии Шуберта ...<...> Автор новой симфонии должен гордиться тем, что ему удалось хоть на время разбудить и оживить наших меломанов: он достиг этого искренностью и свежестью музыкальной речи, обильем мелодического дара, изяществом колорита. <...> Композитор владеет уже той свободой симфонического письма, которая позволяет слушателю наслаждаться результатами...» [2, с.422].

Источники и литература:

1. Калинников В. Письма, документы, материалы : в 2-х т. / В. Калинников. – М. : Гос. муз. изд-во, 1959. – Т. 1. – 332 с.
2. Калинников В. Письма, документы, материалы : в 2-х т. / В. Калинников. – М. : Гос. муз. изд-во, 1959. – Т. 2. – 560 с.
3. Орлова А. Труды и дни М. П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества / А. Орлова. – М. : Гос. муз. изд-во, 1963. – 702 с.
4. Пасхалов В. Василий Сергеевич Калинников. Жизнь и творчество / В. Пасхалов. – Л., М. : Гос. муз. изд-во, 1951. – 228 с.
5. Рахманинов С. В. Литературное наследие : в 3-х т. / С. В. Рахманинов; ред.-сост., авт. вступ. ст., коммент., указ. З. А. Апетян. – М. : Советский композитор, 1978. – Т. 1 : Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. – 648 с.
6. Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни / Н. А. Римский-Корсаков. – 9-е изд. – М. : Музыка, 1982. – 440 с.
7. Серов А. Н. Статьи о музыке : в 7 вып. / А. Н. Серов; сост. и коммент. В. А. Протопопова. – М. : Музыка, 1984. – Вып. 1 (1847-1853). – 415 с.
8. Серов А. Н. Статьи о музыке : в 7 вып. / А. Н. Серов; сост. и коммент. В. А. Протопопова. – М. : Музыка, 1985. – Вып. 2 А (1854-1856). – 352 с.
9. Серов А. Н. Статьи о музыке : в 7 вып. / А. Н. Серов; сост. и коммент. В. А. Протопопова. – М. : Музыка, 1986. – Вып. 2 Б (1856). – 351 с.
10. Станиславский К. С. Собр. : в 8 т. / К. С. Станиславский. – М. : Музыка, 1954. – Т. 1 : Моя жизнь в искусстве.
11. Черкашина М. А. Н. Серов / М. Черкашина. – М. : Музыка, 1988. – 168 с.
12. Чехов А. П. Полн. собр.соч. и писем : в 20 т. / А. П. Чехов. – М., 1949. – Т. 17 : Письма.